

КОНСТАНТИН
ИВЛЕВ

СМЕРТЬ
В ТЕМПЕ
"АЛЛЕГРО"

КОГДА МУЗЫКА
СПОСОБНА УБИТЬ

RED. Детективы и триллеры

Константин Ивлев

Смерть в темпе «аллегро»

«ЭКСМО»

2022

Ивлев К.

Смерть в темпе «аллегро» / К. Ивлев — «Эксмо», 2022 — (RED. Детективы и триллеры)

ISBN 978-5-04-178366-2

Санкт-Петербург, 1895 год. Полиция расследует убийство двух молодых дворян и исчезновение с места преступления третьего неизвестного. Единственный свидетель – преподаватель консерватории, который слышал выстрелы, но ничего не видел. Расследование начинать не с чего: из улик на месте происшествия найдена только бутылка шампанского. Самый простой и очевидный путь – обвинить свидетеля. Но что делать, когда за первыми смертями следуют все новые, к которым профессор музыки явно непричастен? Как в такой ситуации найти убийцу и, главное, доказать его виновность? Комментарий Редакции: Исторический детектив в лучших традициях жанра. Путешествие сквозь века с полным погружением в антураж эпохи.

ISBN 978-5-04-178366-2

© Ивлев К., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Прелюдия	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Константин Ивлев

Смерть в темпе «аллегро»

Посвящается Дарье Завьяловой

Прелюдия

«В понедельник нас с вами ждут горы трупов, любовь и коварство, измены, предательства и самые гнусные пороки, какие бывают у человека... запишите тему и подготовьтесь: "Шекспир как оперный драматург"».

Именно эти слова произнес довольно молодой человек перед тем, как сойти пятничным вечером с кафедры в одном из лекционных залов Санкт-Петербургской консерватории. В аудитории рассмеялась, хотя слушатели давно привыкли, что лекцию профессор обязательно закончит новой шуткой.

Если бы он знал, что удачные шутки имеют обыкновение сбываться, то наверняка придумал бы какую-нибудь другую – но что сделано, то сделано. По крайней мере утром 14 сентября 1895 года по дороге на загородную дачу он думал о вещах, совершенно никак не связанных с Шекспиром, убийствами или хоть каким-то нарушением Уголовного уложения.

– Вы слышите? Кажется, выстрел... – спросил извозчика тот же высокий молодой человек, резко дернув головой влево. К сожалению – или, может, напротив – к своему счастью он ничего не увидел: повозка проезжала мимо тонкой густой полоски леса и заметить сквозь нее хоть что-то едва ли было возможно.

– Не могу знать, барин, – медленно и лениво хотел ответить возница. – Охотники, должно быть...

Молодой человек покачал головой, предугадав ответ, и полез в карман за часами. Снова раздался выстрел.

– Нет, на охотников не похоже – это пистолетный выстрел, не ружейный, – подумал пассажир и взглянул на циферблат. – Будьте любезны, отвезите в ближайший полицейский участок, не нравится мне...

Раздался третий оглушительный выстрел, словно бы усиленный прошлыми звуками.

– Гони быстрее! – приказал пассажир, перейдя на крик и на «ты», что совершенно ему было несвойственно. – Здесь явно что-то произошло. Быстрее!

Извозчик пожал плечами, но развернул повозку и свистнул кнутом. Экипаж помчался в обратную сторону, оставляя позади подозрительное место. Вполне возможно, там и в самом деле свершилось преступление, но оно также могло быть обычным местом для охоты. Звук выстрелов растворился в огромных пространствах, отразился от высоких сосен и медленно стал затихать.

Часть первая Экспозиция

Глава 1

Залитая солнечной позолотой опушка леса казалась безжизненной, тревожным ре-минором шумели старые сосны. Еще теплое сентябрьское солнце медленно поднималось и неспешно пряталось в облаке, рассыпавшемся мягкой хлопковой ватой на сером небе. Подгоняемые осенним ветром, рано утром убежали грозовые тучи, оставив после себя только сырую траву на поле. Та, что уже пожелтела, сверкала желтоватыми бриллиантами, а зеленая напоминала изумрудные россыпи – такие яркие, будто их вымазали анилиновой краской.

Идиллию нарушали лишь три человека, стоявшие около полицейской кареты, да два трупа, безмятежно лежавшие перед ними.

– Уваров, Владимир Алексеевич, надворный советник, – отрекомендовал себя следователь – довольно высокий, но сутулый господин в мундире. – Это дело, полагаю, буду вести я – и вы, профессор, должны понимать: ваши показания чрезвычайно важны. В первую очередь – для вас самого. Интересная, видите ли, картина получается: убийц вы не видели, убитых тоже, преступления не застали – однако ж явились в участок и привели нас – заметьте, безошибочно привели – к месту убийства. Очень интересная картина получается, не находите? Нет? Профессор?

Тот и ухом не повел: по всей видимости, он не слышал ни одного слова, а только туповато смотрел куда-то вдаль и едва слышно намурлыкивал себе под нос увертюру из «Фенеллы».

– Профессор? – еще раз спросил его следователь и легонько дернул свидетеля за рукав плотного пальто, которое больше подошло бы на раннюю зиму, чем на осень, даже самую холодную. А, между тем, осень 1895 года была для Петербурга довольно теплой.

Молодой человек, которого пока что почтительно называли профессором, напоминал собой знаменитого в свое время тенора Энрико Кальцолари – «завернутого в вату, и кушающего с ложечки манную кашку, подносимую нежной рукой супруги». Под зимним пальто профессора, который боялся всякого сквозняка, виднелся опоясывающий шею шерстяной шарф и утепленная жилетка, не считая всего остального. Он нервно дернулся, голова его так резко повернулась и так громко произнесла реплику, что даже опытный полицейский невольно отступил на шаг: «Да? У вас... ко мне вопросы?»

Не то, чтобы сыщик возмутился – скорее, опешил: что, в конце концов, этот субъект себе позволяет? Мало того, что он завалился рано утром в участок, ничего толком не объяснил – теперь, когда есть все основания считать его главным подозреваемым, еще и ничего не слушал. Он промедлил с ответом.

– Так чем обязан? – сделав секундную паузу, переспросил нагловатый профессор. – Если у вас есть вопросы, извольте – можете задавать.

Что греха таить? – в тот момент Уваров хотел в открытую сказать все, что думал на этот счет – а думал он о свидетеле в выражениях исключительно непечатных – но все-таки сдержался. Обычным ровным голосом, который подобает чиновнику среднего ранга, он сказал: «Вопросы есть и множество, господин профессор. Прежде всего, мне бы хотелось знать, как вы в такой ранний час тут оказались?»

В отличие от него господин профессор не счел нужным скрывать недовольство. Капризным – как у всякого тенора – голосом он обиженно проворчал: «Вам не доложили...». И хоть это было утверждением, а не вопросом, чиновник все же безмолвно ответил, слегка покачав

головой. Означать это должно было «нет, не доложили – да и не такая ты птица, чтобы о тебе еще докладывать».

– Значит, не доложили, – по второму кругу начал заносчивый тенор.

– Нет, не доложили, профессор. Можете рассказать все сейчас?

Тот скроил презрительную мину, хмуро посмотрел по сторонам и, шумно вздохнув, как-то неожиданно даже для самого себя вытянулся в струну: «Нет. Не могу! Я уже все рассказал в участке. А я не попугай, знаете ли, чтобы по десять раз одно и то же говорить. И, к тому же, я спешу – если у вас нет других вопросов, тогда разрешите, что называется, откланяться».

Неприязнь к наглому типу быстро сменилась подозрением – и не без оснований. Что и говорить: первым обнаружил, первым заявил, алиби у него нет. К тому же характер вздорный... Проще простого: поспорил с этими убиенными, достал револьвер – хлоп-хлоп! – и готово. Потом сообразил, чем ему это грозит, прилетел в полицию и заявил о стрельбе, чтобы отвести от себя подозрение. Старый трюк...

Но Уваров, будучи профессионалом своего сыскного дела, все же попытался дать ему еще один шанс все объяснить:

– Давайте, профессор, без всего вот этого. Вы же образованный человек – преподаете, должно быть. Вы не можете не понимать, что числитесь по этому делу главным подозреваемым. Так что же вы упорствуете, ответьте на пару...

Лицо ученого мужа вытянулось в прямоугольник, небольшие глаза вылезли из орбит и пару секунд смотрели на сыщика не моргая. Что и говорить: шансом своим профессор не воспользовался. Наоборот – он воспринял это как вызов.

– Я? Подозреваемый? – завопил он. – Это уже нестерпимо! Я на свой счет оплатил пролетку, приехал в полицию, первым сообщил о выстрелах, дал показания, привез вас к месту преступления – а теперь какой-то... Какой-то... – он открыл рот, чтобы набрать побольше воздуха в легкие и хорошо поставленным голосом произнести наиболее подходящее, однако все еще цензурное слово – но договорить ему не удалось.

Полицейский только и ждал, что свидетель сделает паузу для изливания очередной порции гнева. Пока тот опускал диафрагму и раздувал как кузнечные меха тренированные легкие, сыщик повернулся к помощнику и добродушно – не в первый раз все-таки – скомандовал: «Михал-Антоныч – доставь господина профессора до участка, в предварилровку. И запрети нашего красавца пока что. Только ты поаккуратнее с ними – они ж интеллигенты, нежные. К уголовникам не сажай».

Новоиспеченный узник со свистом выпустил весь запас воздуха и попытался что-то возразить – но мало ли что лепечет в свое оправдание подозреваемый в двойном убийстве. Сделав какой-то издевательский реверанс, Михаил Антонович пригласил арестованного пройти в карету.

– Реверанс больше не используют, – машинально поправил профессор. – Ему на смену пришел книксен. Это во-первых. А во вторых, милостивый государь, это женский поклон...

Полицейский возразил на замечание тем, что достал наручники и защелкнул их на руках профессора. Тот, кажется, впервые за весь день сообразил, что даже такие невинные споры с властями чреватые не только закованными руками, но и общей камерой с карточными шулерами и убийцами – настоящими убийцами. Он вяло поплелся к пролетке и негодование свое выразил только глубоким вздохом.

– Минут за тридцать обернемся! – крикнул подчиненный. – Кого сюда везти, Владимир Алексеич? Фотографа, врача?

– Вези обоих! – ответил сыщик и, чуть помедлив, добавил. – И труповозку возьми. А то эти ангелочки так и останутся тут лежать. Я пока начну составлять протокол и изучу тут все. Давай, поторапливайся!

Пролетка неспешно развернулась и направилась в город. Надворный советник осторожно подошел к трупам, но ничего не стал трогать: постановлением самого высокого начальства требовалась фиксация места преступления на фотопластины. Сам Владимир Алексеевич расценивал это как знак недоверия – можно подумать, что опытный сыщик пропустит то, что какой-то парень с камерой найдет. Руководство считало иначе – и не без оснований.

Уваров же любой фотографии предпочитал протокол: он подложил под разлинованную бумагу сумку и вытащил эбонитовый «Уотерман». Новенькая авторучка – дорогая, с золотым пером – была подарком жены, причем поводом стал такой же выезд на природу. Вернувшись с синими руками, сыщик однажды услышал от жены «Гангрена! Срочно за врачом!»

Никакой гангрены, разумеется, не было: было обычное убийство в чистом поле, где ее благоверный заполнял протокол и случайно облился чернилами. На очередной праздник он получил от жены двадцатирублевый непроливаемый «Уотерман» – и был бесконечно счастлив.

Если убрать все лишнее, но сохранить свойственную протоколам лексику, при осмотре места преступления было написано примерно следующее: «в субботу, в четверть девятого утра 14 сентября 1895 года обнаружены двое убитых. Свидетель, сообщивший о преступлении и указавший место совершения оно, не стал давать показания. Он утверждал также, что не видел убийц и самого убийства – а потому препровожден в полицейский участок для дачи показаний, по результатам которых может быть арестован как основной подозреваемый. Свидетелем выступает профессор Санкт-Петербургской консерватории Николай Константинович Каменев, бывший солист Мариинского театра, 1862 года рождения.

Первый убитый – молодой человек, брюнет возрастом лет около 25. Его труп располагается примерно в десяти метрах от дороги, которая закрывается от места преступления узкой лесной полосой. Предварительно можно заключить, что смерть его наступила вследствие одиночного ранения в область сердца из огнестрельного оружия.

Второй убитый – также молодой человек с русым цветом волос примерно того же возраста, возможно несколько старше. Его труп лежит на расстоянии около восьми метров от первого и, соответственно, примерно в 18 метрах от дороги. Предположительная причина смерти – та же самая, что у первого: пулевая рана в груди, в области сердца. Последующая судебно-медицинская экспертиза должна подтвердить или опровергнуть предварительный вывод о том, что смерть обоих была мгновенной или наступила чрезвычайно быстро. Примятая трава около первого убитого позволяет предположить, что имела место непродолжительная агония.

Поза убитых позволяет также выдвинуть гипотезу, что они двигались на обозначенном расстоянии друг от друга от дороги в сторону поля. Убийства предположительно совершены неизвестными лицами, подошедшими с разных сторон.

Других возможных причин гибели при первичном осмотре не обнаружено. Учитывая, что оба убийства произошли в одном месте и в одно время, представляется очевидным, что между собой оные связаны. Не исключено также, что они совершены лицами, связанными преступной организацией воедино.

Единственное, что вызывает сомнения при первичном осмотре места преступления – наличие примятой травы и следы крови на удалении пяти метров от убитых. Труп предполагаемого третьего убитого на данный момент не обнаружен, поэтому из следственных мероприятий временно исключается за недоказанностью самого факта убийства...»

В тот момент, когда в протоколе была поставлена последняя точка, полицейская карета подъехала к участку, выгрузила там господина профессора и взяла на борт фотографа с новеньким «Гёрц-Анштутц» и медика. Карету для перевозки покойников, как сказали в участке, буквально пять минут назад забрал начальник городского сыскального отделения, который сам поехал на выезд. Что могло заставить грузного и неповоротливого статского советника Филимонова в такой час самолично поехать на труп? – не иначе как случилось что-то серьезное. Впрочем,

дискуссию на этот счет не разводили: младшие чины начальство не обсуждали, а новых пассажиров больше заботило другое.

– И как, осмелюсь спросить, нам теперь этих убиенных ко мне в медицинскую везти? – без кареты... – нарушил тишину врач – старичок Иван Аронович.

– Да довезем, папаша! – ответил фотограф. – Накинем на них плащи – и в пролетку. Если что, скажем, что пьяных везем очухаться. Перебрали, теперь лыка не вяжут – они ж тихие...

Старик ничего не ответил и лишь укоризненно посмотрел на молодого фотографа. «Что этот парень понимает в покойниках? Думает, что если побывал на трех убийствах, пощелкал своим аппаратом, извел горку магния – так, значит, жизнь узнал? Ни разу на вскрытии не бывал – а о покойниках рассуждает, будто... Да ну его – может поумнеет еще».

Когда экипаж вернулся на место, там стояла труповозка, которую четверть часа назад увели из-под носа у Михаила Антоновича. Рядом стоял статский советник Филимонов – руководитель городского сыска, – а перед ним, вытянувшись в сугулую, но все же струну, докладывал об обстоятельствах дела Уваров.

– Это что, снова дуэль? Уже третья за последний месяц... Что им нейдет стрелять друг в друга? Судов, можно подумать, не хватает.

– Никак нет, не похоже на дуэль.

– Жаль, списали бы на нее. Значит... Имена убитых известны? – пророкотал статский советник.

– Никак нет, ваше высоко... – зачастил Уваров. Филимонов прервал его:

– Полно! Полно через слово «высокородие» вставлять. Давай, переходи к делу, Володь. Чай, не первый год знаем друг друга. Без официальной мишуры: проверяли насчет документов, имена известны?

– Никак нет... – начал Уваров, но исправился. – Пока не проверяли – ждали фотографа. Сами понимаете, постановление – все обстоятельства сначала фиксировать на камеру, а только потом начинать осмотр. Подписано...

– Сам знаю, кем подписано...

О таком постановлении Филимонов помнил – подписывал его он. Более того, он был одним из инициаторов проекта по изучению иностранного опыта в криминалистике: выяснилось, что там ружья кирпичом не чистят, а места преступлений фотографируют. Приказ оказался отнюдь не бесполезным: много дел удалось раскрыть именно благодаря фиксации. Но вот теперь это было не очень к месту – несмотря на то, что фотосъемка посадила на скамью подсудимых не один десяток преступников, сейчас что-то заставляло статского советника быстрее перейти к проверке документов покойных.

– Володь, а можно съемку как-нибудь ускорить? Надо срочно выяснить личность жертв.

«Ничего себе! – пронеслось в голове сыщика. – Да он ли это? Человек дотошный и пунктуальный, он придирался ко всему – но не ко срокам. Любой его сотрудник слышал «Сколько вам времени надо, чтобы все сделать как надо?» Если давило начальство, подчиненные слышали другую фразу: «Делайте качественно, о сроках я договорюсь». И договаривался, и от начальства защищал – а тут вдруг несколько минут подождать не может.

– Колька! – окрикнул фотографа Уваров. – Тебе долго еще?

– В десять минут управлюсь – если меня никто не будет отвлекать... – начал занудничать тот. – А если будут, у меня из-за этого дрогнет рука. А запасных пластин у нас с собой нет...

– Понятно-понятно, – недовольно пробурчал сыщик и повернулся к Филимонову. – Десять минут нас не устроит? Да и что там такого срочного? Им торопиться уже некуда.

Статский советник ничего не ответил, а только взял сыщика за плечо и предложил немного пройтись.

– Ну раз уж есть десять минут, расскажу тебе одну историю, сегодня приключилась, – начал он. – Но пока трупы не опознаны, пожалуйста никому о ней...

– Обижаете, Антон Карлович, – отозвался сыщик. – Неужто когда...

– Да никогда, никогда – знаю. Просто если я ошибся, не хотелось бы панику разводить. В общем, сегодня утром – было часов шесть, может еще раньше – я, как обычно, сижу в кабинете, работаю.

– У вас снова бессонница?

– Снова... С нашей профессией здоровый сон – это что-то из разряда романов Хаггарда или Уэллса. Заходит слуга, докладывает: к вам посетитель, очень желают видеть... Я спрашиваю: кому я вдруг понадобился в такой час? Он протягивает карточку. Знаешь, у меня крепкие нервы, но тут сердце в пятки ушло.

– Никак кто из начальства?

– Начальство... Не приведи господи такого начальства. Собственной персоной Павел Андреевич Васильевский, не слыхал?

– Не доводилось, Антон Карлович. Большая птица?

– Это, Володь, очень большой человек. Одно время он был на первых местах при дворе, потом что-то произошло – и теперь он просто очень видная фигура. Настолько видная, что неугодные ему генералы могут уехать куда-нибудь в Ташкент. О судьбе человека пониже, из старшего офицерского состава говорить излишне.

– Понял. Что ему понадобилось? Такие люди – да еще лично – в шесть утра просто так не поедут.

– У него пропал сын. Знаешь Дмитрия Павловича – его отпрыска?

Сыщик начал мысленно перебирать в голове свою картотеку – раз начальник Сысского спрашивает о ком-то, то, видимо, есть основания. Когда убийцы и грабители закончились, Владимир Алексеевич сдался.

– На память не жалею, склероза у себя не припомню – но такой мне, кажется, не попадался. Дмитрий Павлович Васильевский... Либо что-то незначительное, либо не попадался.

– Странно, – искренне удивился шеф. – Очень странно: как раз ты его и должен знать. Дмитрий Павлович – беспокойный тип. Картежник, пьет много, во всяческих заведениях известного рода бывает – ну ты понимаешь, о каких заведениях идет речь.

Надворный советник не удержался и все-таки спросил, что речь, должно быть, идет не залах филармонии, а о публичных домах. Речь шла именно что о них; кроме того, на счету Дмитрия Павловича были приводы в полицию за дебоши, хулиганство, публичный цинизм и тому подобные инциденты.

– Соврал... – медленно протянул сыщик. – Соврал, Антон Карлович. Старею – была с месяц назад история: в бардаке на Мещанской случилась кража. Мы туда поехали – а среди посетителей Дмитрий Павлович собственной персоной с девицей Серовой. Девицей, опять-таки, известного рода – желтобилетницей.

– Узнаю, узнаю Дмитрия Павловича...

– Мы начали опрос свидетелей, показания по всей форме – а он безобразничал, пытался рукоприкладствовать. Его, естественно, взяли, довели до участка – и в камеру очухаться... На следующий день я с лихорадкой свалился, отлеживался дома – а его отец пришел разбираться в участок. Говорили, что шуму было немерено: там такой тип старого помещика, что со злости стальные прутья гнет...

Отец безобразника и гуляки в этот раз снова грешил на полицию: забрали, заточили! Держите взаперти невиновного человека! Лишь бы посадить кого-нибудь, другой заботы нету!

– Говорю ему: спокойно, сейчас все выясним, – продолжил историю Филимонов. – Звоню по телефону в управление, спрашиваю: не было ли такого за сегодня? Нет, говорят, не было – еще не все сводки поступили, но в имеющихся не значится. Хорошо, говорю: если появится, позвоните мне домой. В любое время дня и ночи звоните. Я последнюю неделю с грудной жабой из дома работаю.

– И сердце прихватывает?

– Неважно. Я начинаю Павлу Андреевичу объяснять – а он ни в какую: у вас он, сидит, страдает, лишь бы только посадить... В прошлый раз вы забирали? Вы! – и теперь ваша работа!

На том отец благородного семейства и ушел. Странно, что он забеспокоился так рано: Дмитрий Павлович не был дома всего только вечер и ночь. И ладно бы не было повода думать, что наследник просто напился и сейчас спит где-нибудь в публичном доме – а тут ведь сколько угодно. По пальцам одной руки можно было пересчитать случаи, когда Дмитрий Павлович в том году возвращался домой до полуночи – а случаи, когда он возвращался трезвым, можно было не считать – по причине отсутствия таковых.

– Кстати, насчет филармонии ты не ошибся: он большой любитель музыки, собственную ложу в Мариинке имеет. Так вот: полчаса не проходит – снова докладывают о посетителе.

– Снова он же? Васильевский?

– В том-то и дело, что нет.

– О как! – только и выдал Уваров. – И кто же?

– Профессор Званцев. Этого знаешь?

– С такой фамилией – из некриминальных – знаю только одного научного деятеля. Где-то при Академии служил в том году. Тогда у них случилась кража...

Он был прав: не было и нет в образованном обществе Петербурга человека, который не знал бы Петра Казимировича Званцева – председателя музейного комитета при Академии Наук, большого ученого, коллекционера и мецената.

– Это он, все верно. Простите, говорит, что я в неурочный час – мне, право же, очень совестно – но у меня пропал сын. Алексей. Вечером пошел в оперу – и до сих пор не вернулся. Не случилось ли, часом чего – или какая ошибка? Я ходил в участок – но там могут начать розыски только спустя двое суток. Не у вас ли он? – не будете ли столь любезны, если это не слишком затруднительно... Я снова звоню – нет такого. Он опять начал извиняться – а я как-то непроизвольно спрашиваю: а в оперу один пошел или с кем-нибудь? А то мало ли – у друзей решил остаться?

Старичок подумал несколько секунд – и вспомнил, что действительно пошли они вдвоем вместе с Михаилом, братом Алексея – но тот тоже не вернулся. Пошли они в Мариинский театр, на «Гугенотов» с Мазини. Своей ложи не имеют, их пригласил Васильевский, Дмитрий Павлович.

– Вы, наверное, правы, говорит, – продолжил Филимонов. – Наверное у него и остались. Простите, что потревожил в такой час... Он ушел – а подозрения у меня нехорошие. Ты Алексея Званцева знаешь?

Уваров снова начал перебирать в голове картотеку. Званцевых он встречал. Первым в голову пришел Тихон Званцев – прошлогодний душегуб. Был Васька Званцев, который работал раньше на вокзалах якобы носильщиком – а теперь и в самом деле работает носильщиком – но только уже на рудниках. А вот Алексея в богатой памяти сыщика не было.

– Нет, Антон Карлович, не доводилось пересекаться.

– Если его нет среди убитых, то и не доведется, – предположил Филимонов. – Милейший человек – скромный, начитанный, плохого слова ни о ком не скажет. Патологически честный. Практически не пьет... Служит по ученой части в Университете. Совсем молод, однако уже титулярный советник. Полная противоположность Дмитрия Павловича – хотя они очень дружны.

Уваров как-то не решался задать этот вопрос, но любопытство все же взяло верх:

– Антон Карлович, мне даже неудобно спрашивать, но... как вы оказались тут? Никто же не знал...

– Да это моветон – подозревать начальство в убийстве... Да я пошутил, – рассмеялся Филимонов. – На самом деле никакой загадки: не выходит у меня это дело из головы, в четверть

девятого звоню в управление – осведомиться, нет ли сведений об этих двоих. Говорят, что нет, ничего такого. Я только хочу трубку повесить – слышу: «Ваше высочордие, вы еще на связи?» Да, – отвечаю, – говорите. Только что сообщение с участка Уварова: говорят, есть подозрение на убийство, возможно даже двойное. А вы, ваше высочордие, о двух пропавших спрашивали. Вот, решили доложить. И я тут же к тебе.

Тем временем фотограф закончил со съемкой и крикнул: «Прошу, господа! Они в вашем распоряжении». Он хотел еще добавить, что фотографии будут к обеду, но статский советник, который успел отойти с сыщиком на порядочную дистанцию, рванул к месту так, как раньше, будучи городовым, бегал за карманниками. Не скажешь, что он почти не спал вот уже третьи сутки и уж точно не заподозришь грудную жабу. Очевидно, фотографии понадобятся быстрее.

Вслед за Филимоновым к покойным подбежал и Владимир Алексеевич.

– Посмотрите в карманах! – есть ли карточки или паспорта?

Уваров достал две карточки – по одной от каждого трупа, мельком взглянул на них... И молча передал их статскому советнику. Карточки показали, что пропавшие перешли в категорию покойных.

Доктор тем временем подтвердил, что оба мертвы и дал предварительное заключение. Судя по всему, оба были убиты совсем недавно, не раньше семи утра, а скорее всего, даже несколько позже. Причиной смерти в обоих случаях выступило ранение в область сердца из огнестрельного оружия обычного калибра. Оба, судя по всему, умерли тут же, на месте – никаких шансов у них не было.

Филимонов снял пенсне и недовольно потер нос.

– Кладите в труповозку. Нам тут делать больше нечего, улики осмотрим в участке. Фотографии там же рассмотрим. Что-нибудь примечательное нашли?

Уваров хмуро покачал головой: ничего интересного, кроме странно примятой травы под мистическим третьим убитым и бутылки шампанского. Да и она, учитывая склонности покойного Дмитрия Павловича, не вызывала вопросов.

– Пустая?

– Нет, полная, – ответил надворный советник. – Какой-то «Веуве Кликуот Понсардин».

– «Вдова Клико», – поправил шеф.

– Это кто ж такая? – свидетель или подозреваемая?

– Это марка шампанского, французского. Странно, что она полная: зная пристрастия Дмитрия Павловича, подозрительно видеть ее в полной неприкосновенности и неоткупоренности.

Уже садясь в фиакр, Уваров откровенно сказал, что дело кажется ему простым и даже банальным – не стоило ездить. Двойное убийство на почве личной неприязни. Бах-бах – и вот, готовы. Теперь лежат в труповозке, а через четверть часа будут прохлаждаться на леднике в покойницкой.

– Логично излагаешь... Логично, Володь, но слишком просто, – с сомнением покачал головой Филимонов. – У кого такая личная неприязнь могла возникнуть, чтобы сразу двоих? Да еще в такой час? И в таком месте? Ладно, я понимаю еще неприязнь к Васильевскому – там поводов хоть отбавляй, сам без проблем мог напроситься. Но Лешка-то Званцев кому помешал?

Сыщик по привычке сначала подумал, что не любое преступление достойно пера Габорио и набирающего популярность Конан-Дойля – есть дела, где нет никаких тайн. Потом он вспомнил неприятного профессора и поморщился: «Ну, знаете, этот тип мог и убить. Мне кажется, он не в своем уме...»

– Какой тип? Тут кого-то застали?

– Да свидетель... То есть говорит, что он – свидетель. Мерзкий тип: прилетел в участок, кричит «давайте быстрее, там выстрелы, наверно убийство!» Вот приехали – и правда. А потом

он начал дерзить... В общем, я его отправил в участок – пусть посидит, подостынет в предва-
риловке: вдруг на самом деле это его работа?

Филимонов одобрительно кивнул – приедем, а там разберемся, что за свидетель. «Тро-
гай! – и побыстрее», – крикнул он.

Недавнее место преступления, где погибли как минимум двое молодых людей, снова стало обычной лесной опушкой. И часа не прошло, снова сюда зачастили грибники, которым мешали шумные компании, приехавшие на пикник. Вряд ли кто задумался, что огненно-рыжая шляпка подосиновика в корзине или тростинка в зубах выросли, быть может, на той жидко-
сти, которая когда-то бежала в жилах человека, кипела от негодования, любила, радовалась и ненавидела – и которая называлась кровью.

Глава 2

Недовольно скрипнули ржавые петли на двери полицейского участка. Из него вырвался, словно отбыв срок заключения, клубок папиросного дыма, высоко взлетел в небо и тут же растворился, исчез.

– Опять надымили, не продохнуть, – огрызнулся на дежурного Владимир Алексеевич. – Я сколько раз просил курить на улице? Ладно я... Или вот – Антон Карлович...

Дежурный, завидев самое высокое начальство, вытянулся по стойке «смирно» и принял вид еще более виноватый, чем прежде. Уваров продолжал отчитывать его:

– Ладно, не нас табачным дымом пугать, в конце концов. А если барышня какая придет? Она же у вас тут в обморок рухнет!

Дежурный стоял и молча кивал, как бы признавая правоту шефа. И правда: за густым смогом можно было различить только стойку у входа и очертания железной решетки, за которой нервным призраком ходила из стороны в сторону высокая фигура.

– Виноват, ваше высокоблагородие! – Это они накурили, – дежурный показал в сторону решетки, которая благодаря сквозняку понемногу становилась виднее, хотя и не сильно. – А арестантов никак нельзя выводить, правила-с... Однако же курить им совсем не воспрещается: напротив, в камерах к тому все удобства есть – спички, пепельницы.

Уваров понял, о ком идет речь – и, кажется, начал не только подозревать его – так по должности полагается, – но и недолго любить этого вздорного типа.

– Ну что вы как дети малые, ей-богу... Ни на шаг в сторону от предписаний. Хоть окна открыли бы... – пробурчал он и пригласил начальника управления к себе в кабинет.

Там сыщик распорядился привести арестованного и принести чаю. Чай – а вместе с ним бутылочку коньяка, нарезанный лимончик и ореховый пряник – доставили быстро, в отличие от заключенного. Тот всячески отказывался идти на допрос и вообще куда угодно, кроме свободы. К следователю он не собирался выходить, пока не приедет адвокат, пока не позвонит прокурора и пока, наконец, не дадут позвонить жене – сообщить, что он задержится.

– Может статься, что задержитесь вы у нас лет на десять, господин хороший, – пошутил охранник. Профессор позеленел – то ли от страха, то ли от возмущения – и выпустил очередную клубу дыма: «Учись вы у меня на курсе, вы бы задержались там еще дольше».

Наконец стражу правопорядка, этому недремлющему Аргусу тюремной решетки надоело препираться, и он сделал ход конем – поистине, троянским конем: «Да что вам мешает сходить к следователю? Вы же можете ничего не говорить. Просто сидите, ждите адвоката... Вас же не на допрос ведут. Так, посмотреть...»

Профессор уже открыл рот, чтобы ответить «Ну пусть сами приходят, если не терпится на меня посмотреть», но охранник точно знал, что делает – и как бы промежду делом добавил: «Вы же не слон африканский в зоосаде, чтобы на вас из-за решетки глядеть». Самолюбие ученого мужа – а какой тенор не любит себя и свою верхнюю ноту? – не выдержало, и он добровольно вышел из камеры.

Дверь кабинета пропела совсем другой звук – мягкий и уютный, как теплая середина гобоя. По привычке чуть пригнувшись, профессор вошел в кабинет – и не успел ни выразить возмущения, ни потребовать адвоката – которого, говоря откровенно, так пока и не позвали, ни даже пожелать доброго дня – хотя этого он и не собирался делать. Но к удивлению Уварова, господин статский советник поднялся с кресла и протянул арестанту руку: «Николай Константинович! Какими судьбами ты к нам? Не случилось ли чего?»

– Случилось! Очень даже случилось! – залился канареечным тенорком профессор. – Я, Антон Карлович, насколько понимаю, числюсь под арестом.

– Опять? – утомленно бросил Филимонов. – И что же в этот раз? Николай, пора заканчивать в полицию попадать.

Из последовавшего монолога стало понятно, что тенор понятия не имеет, за что его арестовали и почему он оказался тут, если ни к чему не причастен.

– По какому он тут делу? – повернулся к Уварову шеф. – И где твой подозреваемый по этому то ли двойному, то ли тройному убийству?

– Собственно, вот он, – указал на профессора тот.

Он заметив недовольство шефа – и недовольство вполне оправданное: профессора консерватории, уважаемого человека, его ученика, в конце концов – и посадили в предварилку? Уваров за минуту рассказал всю историю, как знал ее со своей колокольни. Филимонов громко, больше для вида откашлялся и поправил пышные рыжие усы.

– Интересная история. Интересная – но, Николай, не очень-то хорошая для тебя. Не в твою пользу все пока оборачивается. Ну, рассказывай, что произошло, что ты делал?

Профессор начал с самого конца: «Преимущественно я сидел. Когда стоял – тоже сидел. И – поверите ли? – даже когда пытался скоротать время и пытался читать вашим сотрудникам лекцию по драматургии большой оперы, тоже сидел».

– Да не принимай ты это все близко к сердцу, – успокаивал его Антон Карлович, пытаясь вывести на нормальное, связное изложение. – Ну подумаешь тебя задержали: велика прямо беда. Да и с кем не случается? Студенты твои – и то наверняка у нас бывают: то шумят, то посуду бьют, а в Татьянин день-то – уж вообще промолчу. Ты же пойми! – ну какие выводы должен был сделать Владимир Алексеевич? Убийства не видел, а сообщил о нем...

– Пардон, я сообщил лишь о стрельбе! Кстати, сотрудники участка даже не стали меня слушать! Вообразите: я им рассказываю про Россини и Обера – а они зевают, хлопают дверьми...

– Непорядок, разберемся. Ну допустим, ты сообщил о стрельбе... Что из этого? Что меняется? Утро, лес – какой-нибудь охотник увидел птицу...

– Исключено: пауза между выстрелами слишком большая: пока готовился второй выстрел, все птицы бы улетели.

– Стрелял вдогонку? – предположил Уваров.

– Позвольте не согласиться, – повернулся к нему тенор. – Кто же с пистолетом на охоту ходит?

– Почему с пистолетом? Мы не говорили про пистолет.

– Николай, ты же ничего не видел? Густая лесополоса...

– Не видел – но я, извините, профессор музыки, а до того выступал на сцене. И мой тонкий музыкальный слух еще ни разу меня не подводил. Если угодно, я вам на слух всю «Африканку» воспроизведу, все четыре часа.

– Ну и что же с этого? – ухмыльнулся надворный советник.

– Выстрелы не ружейные. Звук у них другой.

– Экспертиза покажет... – хотел закончить тему Уваров и перейти наконец к самому началу.

– Да не надо никакой экспертизы! Я же говорю вам: не ружейные это выстрелы. А, впрочем, как хотите – можете проверять.

– Хорошо, хорошо... Насчет этого понятно, – согласился Филимонов. – А потом? Почему ты на вопросы Владимира Алексеевича отвечать отказался? Он у меня самый опытный человек, он такие дела десятками раскрывает, если не сотнями – а ты что?

– Ну я же все...

– Рассказал все... повторять неохота было? А ты по сколько раз одно и то же студентам в голову вбиваешь? Это ты у нас гений – с первого раза все соображаешь, но будь снисходителен к простым чинам полиции. Что бы ты подумал на нашем месте?

Профессор поводил глазами по потолку, как-то замялся и ответил, что не знает методов работы полиции. После этой фразы Филимонов тут же перевел ситуацию на понятный профессору язык.

– Вот что бы ты сделал, если на экзамене какой-нибудь студент вместо нормального ответа заявил: я все это на лекции слышал – и повторять второй раз не намерен.

– Поставил бы кол, разумеется, – не без оснований отчеканил тот.

– Ну, вот: считайте, что экзамен на месте преступления вы провалили, – подвел итог Уваров. – Как насчет пересдачи здесь?

– Я понял... С чего мне начать? – развел руками профессор, поняв свою ошибку.

– С самого начала: что вы делали утром, как оказались около места преступления?

– Все очень просто: мы с женой летом снимали дачу за городом. Недалеко, всего с полчаса езды. Вернулись оттуда на позапрошлых выходных: начинается учебный год, да и погода уже не летняя. Но когда приехали домой, я понял, что забыли несколько вещей: книги, партитуры, еще пара мелочей – но, главное, мою рукопись. Я сейчас пишу доклад для Академии по истории становления большой оперы – знаете, от «Фенеллы – *La muette di Portici*» 1828 года, через «Вильгельма Телля», поставленного годом позже...

– Мы поняли, профессор, что это очень важный доклад, – прервал его Уваров. – Так что с дачей?

– А что с дачей? Я в первую же свободную субботу – то есть сегодня – поехал их забирать. На прошлых выходных никак не получалось: начало года, вся кафедра шумит... Поэтому договорился с хозяйкой, что приеду около вось... Боже мой! – который час?

– Без четверти десять, – посмотрел на часы Уваров.

– Катастрофа... – поник профессор. – Она же все выкинет!

Николая Константиновича заверили, что все с его бумагами будет хорошо и никакая – даже самая вредная – хозяйка не посмеет к ним притронуться. Ей позвонят и сообщат, что вещи без распоряжения полиции или квартиранта не трогать: тот задержался в городе из-за чрезвычайно важного дела.

– У нее ведь телефон есть?

– Да-да... 20–20. Сиповская Корделия Михайловна, – ни секунды не думая, выдал профессор. – И будьте столь любезны – позвоните жене, а то она, наверно, уже волнуется.

Филимонов похлопал его по плечу: «Николай – она давно привыкла, уверяю тебя. После того как ты заблудился в своей же консерватории, она ничему не удивляется».

Прежде чем дальше углубляться в подробности дела, нужно сказать пару слов о самом профессоре Каменеве, главном действующем лице и виновнике этой шумихи. Николай Константинович три года преподавал в столичной консерватории, где успел стать ординарным профессором: настоящей живой легендой он стал задолго до этого, когда лучшие театры мира становились в очередь, чтобы послушать, возможно, самый красивый тенор в мире. Знатки говорили, что голос его на порядок лучше, чем у легендарных Кальцоляри или Марио де Кандиа – и уж точно не уступает Мазини, этому архангелу, спустившемуся с небес.

Когда будущий профессор только поступал в консерваторию и впервые спел там совсем коротенькое «*Ascolta, o padre*» из «Бьянки и Фернандо» Беллини – там всего-то пара минут – со всеми фиоритурами и сверхвысокими нотами, старика-вахтера пришлось приводить в чувство и отпаивать коньяком. Тому почудилось, что он умер и снова слышит Рубини – того самого «единственного и несравненного Рубини», который приезжал на гастроли за сорок лет до того.

А потом случилась катастрофа: через семь лет после дебюта он заболел. Обычная простуда, плевое дело – но она перешла в воспаление легких, которое уже ударило по сердцу. Консилиум врачей не колебался ни секунды: никаких спектаклей, опера для организма – слишком высокая нагрузка. А вот отдельные номера, концерты, преподавание – это сколько угодно. «Пожизненная ссылка в профессоры» – мрачно шутил он тогда. Каменев по-прежнему пел в

концертах, на благотворительных вечерах и для студентов, когда надо было показать правильный звук, но главным его делом теперь была педагогика. И вот уже три года Николай Константинович читал ученикам историю искусства, историю оперы, эстетику, занимался с ними всяческими упражнениями и прочими вещами музыкального свойства.

Когда сердце несколько окрепло, профессор хотел было вернуться на сцену, но в тот год как раз поставили «Тристана и Изольду» Вагнера – которого Каменев не переносил. «Или я – или Вагнер: нам двоим не место на одной сцене! Любовный дуэт не может длиться сорок минут, – кипятился он. – За это время влюбленные обсудят все – даже последние новости и погоду».

Выбор сделали в пользу Вагнера – и тенор торжественно пообещал, что на сцене Мариинского театра «ни одной ноты моей не будет до тех пор, пока там идут эти циклопические уродцы музыкальной драмы, этот невыговариваемый гезамткунстверк¹».

– Я вышел из дому в 7:27. Взял извозчика за номером 01–11 и отправился на дачу. Проходит четверть часа этой пытки, подъезжаем к опушке – выстрел...

– Почему пытки? Он что, плохо ехал? Или ям много?

– У него два колеса скрипят по правой стороне. Заднее на четверть тона выше. Совершенно отвратительно...

– Во сколько прозвучали выстрелы, вы не заметили? – уточнил Уваров.

– В 7:44 и в 7:45.

– Вы смотрели на часы?

– Да, специально посмотрел после первого звука. Но давайте на всякий случай сверим часы, – Каменев достал золотой хронометр с 16 бриллиантами, подарок Маргариты Савойской. – На моих теперь 10:02.

Оба сыщика подтвердили, взглянув на свои карманные часы, что так и есть.

– Итак, вы услышали выстрелы... – вернул его на путь истинный – то есть путь дачи показаний – Уваров.

– Не совсем: я услышал один выстрел и взглянул на часы. Потом, через два такта услышал еще один, второй выстрел.

– Что? Какие два такта? – не понял Владимир Алексеевич.

– Повозка ехала неспешно, поэтому, пожалуй, на четыре четверти, в темпе *moderato*...

– Николай!

– Пардон, я хотел сказать «секунд через шесть, может семь». По звуку выстрел был таким же, как и первый, а...

– Понятно, – звуком задумчивого и гнусавого фагота прервал его статский советник. – Значит, задержка между выстрелами. Ну, в таких обстоятельствах практически нереально сказать, кто был убит первым, а кто – вторым. Насчет третьего, правда, еще есть сомнения... Да и был ли он вообще?

– Вообще-то...

Филимонов встал и протянул профессору массивную ладонь: «Спасибо, Николай, я думаю, на этом можно...» Уваров незаметно подал знак: «Можем выйти в коридор? Есть что обсудить».

– Ах, да... Я забыл, – Антон Карлович направился к двери. – Касательно хозяйки дачи, подожди нас пару минут. А лучше возьми пока перо, бумагу – нам бы не помешали твои письменные показания.

Сыщики вышли в коридор и направились к телефонному аппарату.

¹ Концепция Вагнера о едином произведении искусства

– Антон Карлович, мне кажется, рано исключать его из числа подозреваемых, – настаивал Уваров. – Надо опросить кучера, который его вез. Больно он точно излагает – и номер извозчика знает, и время запомнил. . .

– Опросим-опросим, не беспокойся. И говори вдвое тише, – ответил тот и снял трубку. – Барышня, будьте любезны: двадцать-двадцать. Благодарю вас! Корделия Михайловна? Доброе утро! Прошу извинить за ранний звонок, полиция беспокоит. Статский советник Филимонов Антон Карлович, начальник городского сыского управления. Вы сегодня должны были встретиться с профессором Каменевым. . . Нет-нет, с ним все в порядке – мы его попросили задержаться в качестве консультанта, очень его помощь нужна. Убедительная просьба – он может к вам завтра приехать? Благодарю! Всего наилучшего!

Филимонов повесил трубку и повернулся к Уварову: «Как он запомнил время и номер? Володь, тебе о нем надо кое-что узнать. Он наш главный свидетель – и тебе много придется с ним общаться. Имей в виду: он поразительно неприспособленный к жизни человек. Страшно рассеянный. О том, как он пару лет назад был заместителем на кафедре и заполнял финансовые бумаги, до сих пор ходят анекдоты. Один только всемогущий Господь, наверное, знает, что он там понаписал – бухгалтерия до сих пор не разобралась с этим. Он легко задумывается на полуслове, бывает резким и своевольным – это ты и сам заметил. В общем, тебе достался очень хороший, но очень проблемный свидетель».

– То, что он проблемный – это я заметил, этого не отнять. А вот чем он хорош – этого пока не понимаю.

– Знаешь, дар не дается человеку бесплатно, за него всегда приходится как-то платить. И чем больше дарование, тем больше плата за него перед Всевышним, – негромко объяснил Филимонов. – Морфи – гениальный американец, знавший наизусть гражданский кодекс Луизианы, с успехом игравший вслепую на восьми досках против сильнейших шахматистов Европы – страдал психическим расстройством. Цукерторг, помнивший все свои партии, и едва не обыгравший на чемпионате Стейница, доверял только одному врачу – себе. В 45 лет – смерть от болезни сердца. Какую угодно область науки или искусства возьми – тебе встретятся чудачковатые таланты.

Я к чему: и скверный характер, и страшная рассеянность – как раз плата за то, что его память и слух легендарны, просто какого-то гомерического масштаба. И я не преувеличиваю. Если с пониманием отнестись к его причудам, не перечить во что бы то ни стало – он массу ценного тебе расскажет. Если он помнит звуки выстрелов – а он помнит – считай, что мы знаем орудия убийства.

Надворный советник непроизвольно рассмеялся – сначала беззвучно, словно давясь воздухом, а потом не сдержался и после прорвавшегося короткого смешка залился во весь голос. Ему было стыдно, что он смеется над словами начальства – но так смешно, что прекратить он не мог.

Когда приступ веселья закончился, он вытер слезы и поднял глаза на Филимонова. Тому было не до смеха: «Что, что тебя так развеселило, Володь?»

– Опознать оружие по звуку выстрела? Он судьбу по линиям на ладони не предсказывает? – давясь, спросил он и снова едва не свалился в истерический смех.

– Понимаю, звучит смешно. Но ты не представляешь, с профессионалом какого уровня мы столкнулись.

– Все мы как профессионалы вполне состоятельные, мне кажется, – откашлявшись, заметил Уваров.

– Не веришь, да? Не убедил? Тогда вот тебе два небольших примера про него – просто, чтобы понимать, с кем мы имеем дело. Лет двадцать назад я преподавал у него в гимназии. Услышал какие-то жуткие звуки из музыкального класса. Поднимаюсь: там толпа во главе с

учителем за роялем, а Николай, совсем мальчишка еще, стоит к ним спиной. Что происходит? – спрашиваю; ваше высокоблагородие, вы посмотрите – это чудо какое-то!

– А что там было?

– Он ноты угадывал.

Уваров был явно разочарован:

– Антон Карлович, я в музыке не разбираюсь, но, насколько знаю, это вполне рядовое явление – абсолютный слух. Встречается не сказать, чтобы часто, но бывает. Моя жена, кстати, «абсолютница» – как она сама говорит.

– Так и я точно так же подумал. Абсолютный слух... Это не абсолютный – это на какие-то порядки острее. Ты прав: если бы они просто нажимали ноту, ничего выдающегося. Но они сразу вдвоем-втроем нажимали клавиш двадцать-тридцать – определяет с точностью до ноты. Усложняют: дают звук, а потом один палец убирают. Он по отзвуку говорит, какую клавишу отпустили.

– А вот это уже впечатляет... Вы в самом деле это вживую видели?

– Да, иначе не рассказывал бы. Он ни разу не ошибся. О его слухе ты теперь имеешь представление. Теперь второй пример – о памяти: он, кажется, не запоминает вообще ничего, если ему это неинтересно. Но если интересно – тут другая история. Тогда он превращается в какого-то Шампольона или Мирандолу – как губка впитывает в память информацию и хранит сколь угодно долго. У меня племянница училась в консерватории у него – и рассказывала, сама видела это... Это чудо – по другому не назовешь. То, что он читает лекции без конспектов, это нормально. То, что он легко вспомнит что угодно из сотен опер – это можно отнести на счет профессиональной памяти. Я думаю, ты сам легко вспомнишь детали из массы уголовных дел. Но то, что однажды произошло на экзамене... Это объяснить почти невозможно.

Поясню: он на экзаменах, судя по рассказам – тиран. Студентов и учеников не жалеет. Получить у него четверку с первого раза – это редкость. У меня племянница, чтобы получить пятерку, чуть ли не сутками сидела с книгами, читала, выписки какие-то делала.

– Поздравляю... – неуверенно пробормотал сыщик, не понимая, как это связано с делом.

– Она зашла в класс – а наш профессор издевается над троечником. Тот ничего не знает, а Николай сам рассказывает билет и периодически спрашивает «Так?» Троечник отвечает: «Так...» – и опять профессор вместо него отвечает по билету. Добрался до какого-то пункта и таким же ровным голосом: «Пересдача, так?» – а тот машинально «Так».

Уваров пожал плечами: «Ну, в самодурстве ему не откажешь... Это и я заметил за время нашего знакомства. Нет бы сразу поставил два и выставил за двери».

«Да слушай дальше... Все засмеялись – а потом, как и ты, кстати – возмутились: зачем вы над студентами издеваетесь? Почему такие высокие требования предъявляете? Любой преподаватель ему бы поставил тройку. А иные, может, и «хорошо». Он в ответ: я и к себе такие предъявляю. Они: докажите! Он: хотите меня проэкзаменовать, проверить? «Да, кричат, – хотим!»»

Он пару секунд подумал и говорит: пойдете в библиотеку. А библиотека у консерватории нашей – это тысячи томов, может десятки тысяч. Каких угодно – от восьмитомника с биографиями... как его, черта? – француз какой-то – и сборников лекций до какого-нибудь экземпляра, в средних веках отпечатанного, или авторской рукописи. И вот пришла вся эта толпа в библиотеку, Каменев говорит: прошу, задавайте вопрос. Любой.

Студенты посоветовались, открыли несколько томов разных, выписки какие-то сделали, пару раз подбросили монетку – чтобы выбор вопроса был случайным – и говорят: «Николай Константинович, мы готовы» – и называют какую-то фамилию. Там какой-то вообще третьесортный композитор, живший лет триста назад. На всю столицу найдется десяток человек, которые о нем просто слышали. А наш профессор эту биографию из книги чуть ли не наизусть...

– В его слух поверю, вопросов нет, – покачал головой надворный советник и, усиливая голос, возразил. – Но по поводу памяти – извините, Антон Карлович, не поверю: не может человек всю библиотеку знать, чтобы такие споры вести. Я понимаю еще, в общих чертах рассказать биографию – но дословно? Нет, быть такого...

Из кабинета послышался хрустящий звук расколовшегося фарфора, не до конца парламентские выражения – и через секунду из дверей выскочил Каменев: «Что значит “не может быть”? Именно! – именно так все и происходило. Антон Карлович, великодушно извините, я, кажется, чернильницу опрокинул. Два года назад это было... Там на столе какие-то бумаги – их надо спасать? Да, и она сама к тому же вдребезги – я новую... На экзамене по истории музыки!»

– Третья чернильница за год... – прошипел Уваров...

– Нет, ничего серьезного, не волнуйся. Николай, это когда было? Два года назад, говоришь, у тебя племянница училась?

– Да, 24 мая был экзамен. А у Натальи, насколько помню, лирико-колоратурное сопрано от си малой октавы и вплоть до фа-диез третьей. Только переходные ноты большой секундой выше обычного. Она продолжает заниматься? – Филимонов проигнорировал вопрос: «Ты не помнишь, какой они тебе вопрос в библиотеке задали?»

– Разумеется, помню: они спросили, кто такой Гостена.

– И что же вы ответили? – не удержался Уваров. Фамилию он эту прежде не слышал, и хотя в музыке разбирался плохо, этот Гостена явно не был фигурой, равной Моцарту, Бетховену или Верди.

– Ответил, что Джованни Баттиста далла Гостена – это композитор, сочинявший мадригалы. Он родился в Генуе в середине 16 века, а сочинений от него нам остался как минимум один сборник четырехголосных мадригалов. Его издал ин-кватро Анге Гардане – венецианский издатель – в 1582 году. Есть сведения, что смерть композитора была не вполне естественной – но никаких доказательств на этот счет нет.

Филимонов довольно улыбнулся и несколько раз кивнул: я же говорил. Уваров уже с небольшой долей восхищения спросил: «Позвольте, но они же наверняка захотели проверить, откуда вы это знаете?»

– Разумеется. Я отметил, что им стоит обратить внимание на четвертый том Фетиса. Только, Антон Карлович, он был бельгийцем, а не французом. Это на 63-й странице, вторая колонка посередине. Странно, что у Размадзе в курсе лекций этого нет – Гостена был отнюдь не незначительным композитором в свое время. Спасибо, что подсказали мысль – я ему напишу в Москву, чтобы включил во второе издание.

Сыщики не успели сказать ни слова, а тенор уже исчез за дверью, намереваясь без промедления послать письмо Александру Соломоновичу.

– Как видишь, и с памятью и со слухом у него полный порядок. Вернемся к его свидетельству: кстати, я уверен, что он слушал наш разговор и параллельно еще писал показания, он умеет... – заметил Филимонов и шепотом сказал. – Давай говорить потише на всякий случай и отойдем подальше. Он сказал, что выехал из дому в 7:27, чтобы к восьми быть на даче – о чем заранее договорился. Теперь давай представим, как будут разворачиваться события, если он виновен: он подъезжает к месту убийства – и?.. Что дальше?

Владимир Алексеевич все понял. Никакой критики не выдерживает сценарий, что тенор случайно застал там двух человек, попросил кучера подождать, застрелил эту парочку, вернулся – и сказал «Трогай, голубчик! Вези в Сыскное!» Абсурд, никакой критики не выдерживает.

Другая версия была не менее абсурдной: допустим, что наш подозреваемый и вправду хотел убить этих двоих – правда, совершенно непонятен его мотив. Получается, на извозчике он доехать не мог – иначе все сводится к первой версии. Но и пешком он дойти не мог: путь

в одну сторону занял бы от дома не менее получаса. Получается, если он в 7:27 нанял извозчика около дома, то перед этим ему надо было потратить полчаса на дорогу до дома и еще сменить верхнюю одежду. На нем сейчас ни пылинки – пешком так не походишь. Следовательно, совершить убийство он должен был где-то без четверти семь. А это уже противоречит заключению доктора.

– Врач не мог ошибиться? – прокрутив в голове этот сценарий, спросил Филимонов.

– Иван Аронович? – почти возмутился Уваров. – Исключено. Можем дожидаться официального экспертного заключения, можем так спросить – но я знаю, что он ответит – он всегда так отвечает: «Спрашивается вопрос, кто бы мне тут стал держать, если бы были ошибки? Я вам заявляю, что их таки нет».

– И еще момент: если мы опросим его жену, горничную и вахтера у дома, они сто процентов подтвердят, что в семь утра он еще спал. Тогда что это значит?

Владимир Алексеевич выдохнул, слегка кивая головой: «Ну... как что? – это значит, что наш профессор говорит правду – и его надо отпускать. Только... Антон Карлович – может мы для порядку хотя бы спросим – знает ли он убитых? Вдруг что интересное? А вот сладить с ним – это будет проблематично: я же его в предварилровку запер».

– Показания мы сейчас возьмем, это само собой. А вот то, что ты его посадил – да, тут проблема, – статский советник покрутил ус. – Давай-ка вот как сделаем: не будем говорить о выводах, к которым сейчас пришли. Пусть он пока считает себя подозреваемым, а не свидетелем. Тогда он сам будет заинтересован идти на контакт. Это ему горькая пилюля – так что подсластим чуть-чуть: придумай ему какой-нибудь титул погромче для этого дела.

– В смысле – титул?

– Он же тенор! Любит знаки внимания, когда им восхищаются, когда ценят, обожают, превозносят. Дай ему за участие в концерте тысячу рублей – может отказаться, а если на афише его крупным шрифтом напечатают и регалии упомянут, то за сто согласится. Вот и придумай ему что-нибудь вроде «главный консультант Санкт-Петербургского полицейского департамента по музыкальной части».

– Антон Карлович, нас на смех поднимут за такое, с позволения сказать, «должностное лицо»...

– Володь, это лучше, чем если нас закопают за этого дело. Ты помнишь, кто убитые? Дворяне, причем самого высокого ранга. И если Званцев мстить не будет, то Васильевский нас как белугу с хреном съест.

Они вернулись в кабинет, где Каменев снова оккупировал рабочий стол сыщика и перо. На пол из расколотой чернильницы продолжала капать жидкость. Тенор, отложив три исписанные страницы показаний и периодически окуная перо в синюю лужу, писал с чистого листа. Быстрый, тонкий и витиеватый почерк разлетелся по бумаге россыпью слов, над которыми стоял обращение и несколько первых строк «Дорогой Александр Соломонович! Совершенно внезапное обстоятельство напомнило мне о вашем прелестном курсе лекций, в которых волею случая не был упомянут итальянский сочинитель мадригалов Гостена. Позвольте мне предложить вам несколько фактов из его биографии, которые, возможно, пригодятся для второго издания...»

– Все хорошо, Николай Константинович, – начал попытку сближения Уваров. – Мы поговорили с дачной хозяйкой, она ничего не тронет. Можете захватить завтра.

Профессор расплылся в улыбке: «Благодарю! Очень вам признателен. Понимаете, восстановиться в случае чего не проблема, но... – он замаялся, подумав, что проявил бестактность. – Но это масса времени, сил... Нервы, опять же – так что крайне признателен».

– По поводу этого дела, профессор. Смотрите, пока мы не можем перевести вас из подозреваемых в свидетели, просто недостаточно фактов: еще надо опросить свидетелей, зафиксировать все это... Но и в статусе подозреваемого вам, уважаемому человеку, быть нельзя.

Можем записать вас в протоколе как «главного консультанта Санкт-Петербургского полицейского департамента по музыкальной части». Не возражаете?

Каменев не только не возражал, напротив – высказал готовность помогать и консультировать столько, сколько потребуется.

– Единственный вопрос, профессор. С вашего позволения... – продолжил Уваров.

– Конечно, чем могу.

– Вы знаете Званцева? Может, доводилось встречаться?

– Как же! – восторженно воскликнул Каменев. – Конечно знаю: правда, он не у меня, а у Льва Ивановича.

Оба сыщика переглянулись: какой еще Лев Иванович? Новый фигурант в деле? Есть ли у этого Льва Ивановича фамилия? Знаком ли он с Васильевским? И что этот таинственный Лев Иванович вообще делал со Званцевым? А вдруг это тот самый третий убитый, чей труп таинственным образом исчез.

– В смысле? – Филимонов объединил все эти вопросы в один.

– Ему Лев Иванович Джиральдони дает уроки, из Московской консерватории. Однажды он приезжал на концерт – такой, характерный баритон. Голос не сказать, чтобы очень красивый, зато мозги есть...

– Алексей Званцев?

– Нет, Николай...

Продолжать опрос было бессмысленно: профессор был верным рыцарем искусства и вряд ли знал что-то об этом мире кроме того, что в нем есть музыка.

– Супруге вашей мы звонить не стали – вы ведь сейчас же домой? – спросил статский советник. Каменев кивнул. – Сами и расскажете, что произошло – только пока что без подробностей, это тайна следствия. Договорились?

– Конечно-конечно, – зачастил профессор. – Я ни слова.

– Тогда до встречи, Николай Константинович. Надеюсь, вы нас порадуете на концерте?

– Непременно! Концерт в следующий четверг, обязательно приходите. У Габеля есть студент – Митя Бухтояров – мы с ним поем дуэт из «Роберта».

– Вагнера?.. – попытался быть учтивым Владимир Алексеевич: сокращенное название оперы «Роберт-Дьявол» он слышал впервые.

– Вагнер? Чтобы я пел Вагнера?! – вскочил тот. – Я тут послушал его «Тангейзера». Знаете, он действительно гений... Только гений может растянуть четыре темы в увертюре на пятнадцать минут. Четверть часа! А звучание? – Россини был прав: как будто поднос с посудой уронили. Темы попадают очень красивые, не поспоришь – но эта оркестровка? – это же неуважение к голосу как инструменту! Хрупкому и тонкому инструменту, на котором нельзя заново поменять струны!

Фон Карольсфельд – первый исполнитель Тристана – выдержал всего четыре представления, а потом отдал богу душу. Что там было – последствия ожирения? инфекция? – или колоссальная трата энергии во время спектаклей?

А лейтмотивы в позднем Вагнере! – какая прелесть, когда одно и то же по кругу, одно и то же звучит три с половиной часа! Чтобы я пел эту шарманку?.. Куда уж блистательному разнообразию Россини или Доницетти. Да, из любой мелодии Россини сделает арию, Мейербер – марш, Бах – фугу – а Вагнер из одной мелодии сделает два акта!

И что это за акты? – последние его опусы длятся по пять часов – и это сочиняет тот, кто большую французскую оперу того же Мейербера за тяжеловесность упрекает! Такое ощущение, что у него были поминутные гонорары. Впрочем, у этих опер и вправду есть прекрасное свойство. То, что происходит там за полчаса, можно описать буквально в двух словах: «почти ничего».

– Николай, ты не дослушал, должно быть, – Володя спрашивает, Вагнера, надеюсь, не будет?

– Ах, вы об этом? Я-то думал... Нет, не беспокойтесь, – тут же сменил гнев на милость тенор. – Только старая школа. Из певцов будут Фигнер, Михайлов. Может Баттистини придет...

– Превосходно, мы будем, – кивнул Филимонов, лишь бы тот отстал. – Ну, ступайте, нам еще пару мелочей обсудить надо.

Вновь мягко скрипнули петли массивной двери, барабанным щелчком она закрылась. Получалась неприятная история: свидетель ничего не видел, никаких улик на месте, ни одной зацепки. Конечно, что-то появится позже, что-то расскажут родственники – но пока не с чего даже начинать.

Вдвойне печально было то, что жертвы – люди знатные: начальство поставит дело на особый контроль и будет требовать результата – быстрого и точного. А надежд пока что не было ни на то, ни на другое.

– Вот что, Володя, – начал выстраивать план действий статский советник. – Во-первых – при нем не употреблять фамилию «Вагнер». Это приказ. Не так много вещей есть на свете, которые Николай не переносит. Оперы Вагнера – одна из них.

– Почему?

– Неважно, долгая история.

– Понял, не буду.

– Вообще, не перечь ему. Попасться ему на язык очень просто, у него ядовитый ум. Остроты его разлетаются по столице моментально и если попался ему, живым не выпустит. Ты с этим Вагнером только что получил разнос – но он далеко не всегда так многословен. Чаще это несколько слов, которыми просто убивает. Чтобы ты представлял: я с ним был на сочинении какого-то модного современного композитора. Отыграли сорок минут первого отделения, объявили антракт. Около Николая как всегда собралась толпа, к нему подходит автор, спрашивает: ну как вам? Тот в ответ: а музыка будет только во втором отделении?

– Ну он зараза, Антон Карлович...

– Не спорю, зараза... Но – и это во-вторых, за делом точно будут следить большие шишки, это как пить дать. Но о том, что произошло, пока не знает никто, кроме нас и него. Нам это на руку. Поэтому главная задача: надо раскопать как можно больше, пока все пребывают в блаженном неведении. Потом будут зажимать и поторапливать, давать минимум времени. А пока что у нас есть день. Может быть – полтора. Отправь своих людей проверить извозчиков – все-таки покойные вряд ли сами дошли туда пешком. Наверняка заметил, что у покойных обувь чистая? А я пока у наших тайных агентов узнаю, бывали ли они вместе в последнее время – Лешка Званцев и Васильевский. Если бывали – где, когда, с кем. С агентами поговорю сам, чтобы без утечек. Но это потом – пока что в морг. Узнаем, что Иван Аронович...

В дверь тихо постучали и, не ожидая ответа, в кабинет вернулся профессор Каменев.

– Простите, что беспокою еще раз, господа... Просто я когда рассказывал, меня прервали. Может, что и правильно, ничего такого. Может быть, что это совсем неважно – но... вам нужно рассказать про третий выстрел?

Глава 3

– Значит третий выстрел все-таки был? – после долгой паузы Уваров, вспомнив помятую траву и следы крови на ней, смог ответить только это. – Почему вы сразу не сказали?

– Я собирался. Когда я говорил о втором выстреле, я хотел... а потом меня прервали.

– Так что же вы... Почему потом не рассказали?

– Как же не рассказал? – вот, только что...

Антон Карлович, сидевший за рабочим столом сыщика, негромко хлопнул по нему рукой. Пора было прекращать совершенно бесцельный спор: какая теперь уже разница, тогда бы он рассказал или сделает это сейчас? Важно просто узнать об этом странном обстоятельстве как можно больше.

– Николай, давай по порядку, – прервал спорящих Филимонов. – Первый выстрел прозвучал в 7:44, так?

– Верно, – закивал тот.

– А второй прозвучал спустя шесть-семь секунд – на часах было уже 7:45, так?

– Нет, не так, – ответил профессор. – Не совсем так. Второй выстрел действительно прозвучал спустя два такта – но на часах было еще 7:44. А вот третий был примерно через пять секунд после второго, тогда на часах было уже без четверти.

Все замолчали: сыщики пытались понять, как третий выстрел укладывается в картину преступления, а профессор словно бы обдумывал что-то, что не сходилось у него в голове. Мутные, словно смотрящие куда-то внутрь глаза он обратил на стену, руки машинально наигрывали на дубовом столе какую-то мелодию.

– Тот выстрел был странным, – нарушил тишину кабинета профессор. – А, может быть, предыдущие были странными? Видите ли... Не знаю, как это объяснить.

– Объясните как можете, – предложил Уваров и начал аккуратно льстить. – Вы ведь музыкант с мировым именем – так кто, как не вы, сможет наиболее точно рассказать о звуке? Антон Карлович, вы ведь потом переведете?

Пояснение Каменева сводилось к следующему: представьте себе, что вы играете на каком-нибудь инструменте. Скажем, десять лет вы играли на своем домашнем рояле «Шиллер-Бек». И тут – например, в гостях – вас просят сыграть какую-нибудь вещь, которую вы сто раз уже играли у себя дома. Вы начинаете – и просто по самому звуку понимаете: не просто другой рояль – другая фирма. Даже если настроить инструмент один в один – все равно: и дерево другое, и лак другой, и дека другая – все это слышно.

– Так вот, – подвел итог Николай Константинович. – Я об заклад бьюсь, что третий выстрел совершили из другого оружия. Первые два очень своеобразны по звучанию – такая маленькая пушка как будто бы. Третий – он несколько глуховат был, но зато громче и как будто бы ближе. Я еще засомневался – может он вообще не относится к делу? Мало ли: вдруг у какого охотника и в самом деле патроны к ружью кончились?

Но от дороги опушку отделяла лесная полоска, и свидетель ничего не видел. А идти смотреть, в кого там стреляли – довольно сомнительное предприятие, особенно если у тебя нет оружия. Филимонов понимающе кивнул: «Это верно: там, где убили двоих, и третьего бы не пожалели – или уже четвертого?»

– Похоже, что обстоятельства серьезно изменились, – заметил Уваров. – Нам как минимум есть с чего начать. Извините, профессор, – повернулся он к Каменеву, – но вам придется задержаться. Вы наша основная надежда.

– Ничего, я всегда готов помочь полиции, – нервно проговорил Каменев, ожидая нового ареста. Почем ему было знать – может быть вся надежда сыщиков сводилась к тому, что он и есть убийца?

– Как главный консультант по музыкальной части – сможете опознать выстрелы по звуку? – все еще не питая особой надежды, спросил Владимир Алексеевич. – Помните их?

«Обижаете... – огорченно ответил тенор. – Все-таки профессор музыки, должен различать звуки. Да и на память не жалуясь. Единственная просьба: разрешите я воспользуюсь вашим телефонным аппаратом – видимо, я все-таки задержусь у вас. Надо предупредить жену».

Они вышли втроем в коридор, Каменев снял трубку и попросил соединить с 25–09. Барышня на коммутаторе в две секунды нашла нужный разъем, прошло еще секунд десять – и, наконец, в трубке послышался матовый голос меццо-сопрано.

«Варя, это я, – начал он. – Я так и не попал на дачу... Что значит “предсказуемо”? Я почти доехал... Звоню из полиции. Нет-нет-нет, я никого не убивал, не грабил и не терялся. Тут случилось одно обстоятельство, пока нельзя разглашать подробности... Ну если только в двух словах сказать: я выступаю как консультант. Да, представь себе – главный консультант Санкт-Петербургского управления полиции по музыкальной части. – Он повернулся в сторону сыщиков, лицо его сияло; те в унисон довольно кивнули. – Да ничего серьезного, двойное убийство в лесу, как раз по дороге на дачу... К ужину? Да, вероятно успею. И напомни, пожалуйста, чтобы я завтра все-таки доехал до дачной хозяйки. Надеюсь, в воскресенье по дороге убийств не будет. Хорошо, до вечера».

Уваров качал головой, закатив глаза к небу. Кажется, прозвучало безмолвное «Вот идиот...» Филимонов опустил голову и прикрыл лицо массивной ладонью.

– Благодарю, я в вашем распоряжении! – чирикнул Каменев, отойдя от телефона.

– Так... Для начала мне тоже надо позвонить, – сдерживаясь, начал статский советник. Он попросил соединить все с тем же номером. – Варвара Георгиевна, доброе утро. Филимонов беспокоит – да, Антон Карлович, он самый. Благодарю, здоров... Как вы? Рад слышать... Тут ваш супруг обмолвился насчет преступления – я на всякий случай предупредить: об этом пока нельзя упоминать в разговорах. Понимаете, тайна следствия... Да, благодарю вас за понимание. А что Николай? – он и не такие трюки выделывает. Привезем – конечно привезем как только закончим.

В связи с появлением в деле третьего выстрела план действий поменялся: Филимонов с трех часов дня запланировал встречу с агентурой, которая вхожа была практически куда угодно. Уварову надо было проинструктировать сотрудников, чтобы те опросили извозчиков: видели или не видели, подвозили кого то-то или нет – и если да, то куда. Надворный советник выпросил на все про все четверть часа и убежал инструктировать подчиненных; статский советник в это время приказал взять со склада улик все огнестрельное оружие за последний год. После морга все втроем они собрались опять ехать на ту же опушку – поставить следственный эксперимент, когда новоиспеченный главный консультант должен был по слуху определить орудия преступления.

Когда вернулся Уваров, Антон Карлович на всякий случай спросил тенора: «Ты нас здесь подождешь – или с нами в морг?»

– Я с вами, – несколько посерев, проговорил тот. – Все-таки, раз уж я консультант – я должен знать все? Даже это, полагаю...

Обшитая сталью дверь покойницей издала звук холодный и колючий, как некоторые ноты кларнета. Судебный медик Иван Аронович сидел за письменным столом, заканчивал писать протокол осмотра двух убитых и неприятным гнусавым голосом – хотя довольно чисто – напевал «Подружки мои, приходите – я буду лежать на столе...» Как раз позади него на столах расположились трупы.

– Особенно порадовать нечем, – посмотрел из-под толстых очков доктор, которому быстро рассказали несколько деталей. – Как и предполагалось, причина смерти обоих – пулевое ранение в область сердца. Стреляли, скорее всего, из револьвера. Скончались сразу же.

– Не совсем – один из них успел побиться в судорогах.

– Странно, весьма странно. При таком ранении я бы им и секунды не дал. Но возможно всякое, шанс один на сотню готов допустить. Впрочем, это вам устанавливать, я продолжу о своем. Пуль в груди нет: очевидно, из-за близкой дистанции прошли насквозь. Следов алкоголя нет или очень незначительны. На правой руке есть свежий след от выстрела...

– Пойдите, доктор, – прервал его Уваров. – Какой след от выстрела? Рука так близко была к стволу револьвера, что туда попали следы пороха?

– Нет, определенно нет, – уверенно сказал доктор. – Выстрел был, конечно, с близкой дистанции – метров семь, может восемь – но даже если убийца с убитым протянули друг к другу руки, этого бы не хватило. И потом: мы не можем пока находить какие-то мельчайшие следы порохового газа. По крайней мере мне не доводилось видеть таких исследований. А тут без лупы видно: небольшие частицы неразорвавшегося пороха. Первый раз с таким сталкиваюсь...

Тут голос подал новоиспеченный консультант, который все это время с ужасом и любопытством осматривал покойных.

– Простите, доктор – у меня три вопроса...

Иван Аронович узнал в посетителе человека, которого час назад препроводили в камеру предварительного заключения, и вопросительно посмотрел на Уварова: «Можно? – ему-то? Бывшему задержанному?» Уваров слегка кивнул головой и незаметно улыбнулся: «Можно, это свой». Доктор повернулся обратно к Каменеву: «Прошу вас, чем смогу...»

– Видите ли... Я не знаком со спецификой работы полиции и уж тем более медицинской экспертизы – поэтому мои вопросы могут быть дилетантскими. Но я все же рискну. Мне показалось? – или действительно их раны несколько странные?

Доктор заметно оживился: он хотел придержать эту новость для конца разговора – для пущего эффекта, но теперь пришлось выкладывать в середине. Возможно, что он ожидал этого вопроса от сыщиков, а не от совершенно постороннего человека, первый раз пришедшего в покойницкую. Потому он и не отказал себе в удовольствии проверить внимательность тенора:

– А что такого странного вы заметили?

– Понимаете, у них ранения разные... Тут прямо-таки получается инверсия, обращение: тема та же самая, интервалы те же – а ноты другие. Вы разбираетесь в музыке?

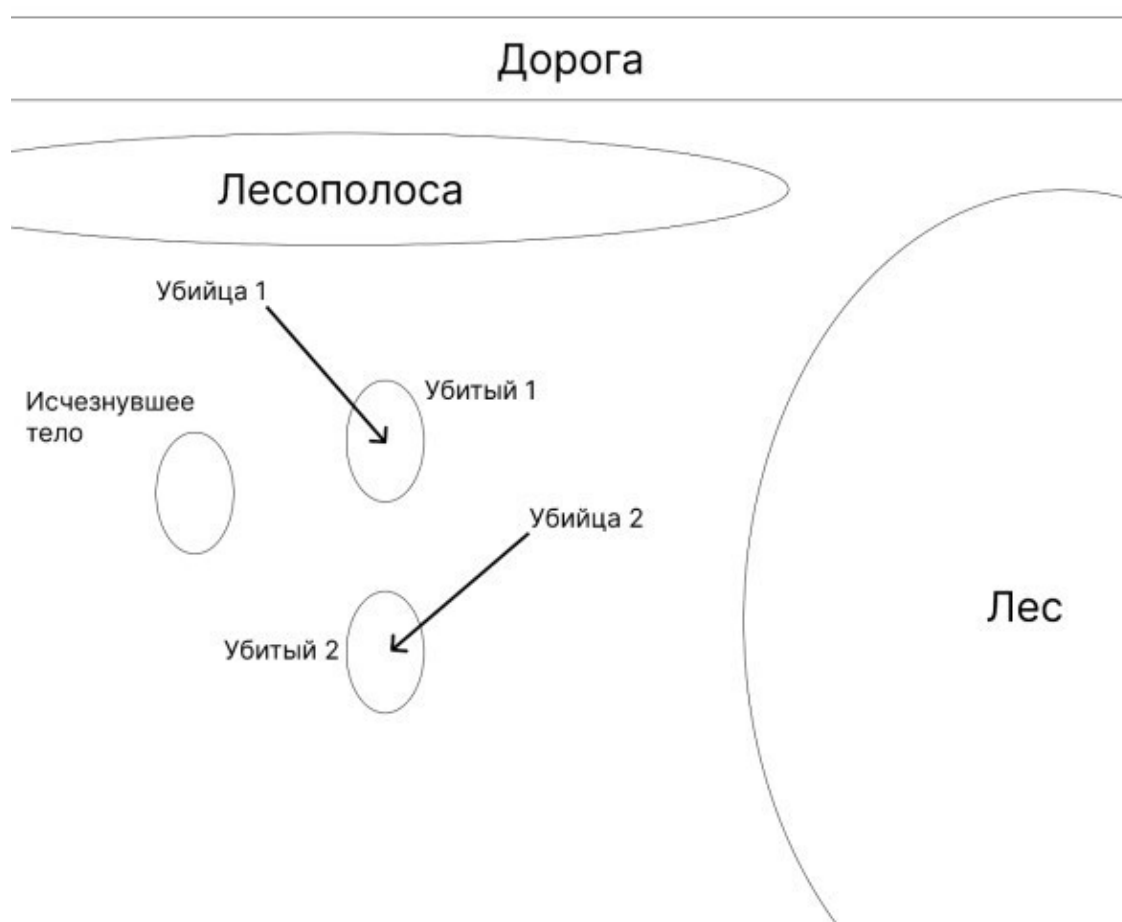
Доктор снисходительно посмотрел на него и ответил так, как сделал бы это раньше – когда еще жил на Новой улице в Одессе, которую буквально через два месяца переименуют в Маразлиевскую: «Молодой человек! Вы посмотрите на меня внимательно – и рискните сказать, что я не знаю скрипки!»

– Так-так-так... Так что вы обнаружили? – продолжил, заинтересованно глядя на него, Иван Аронович. – И какую инверсию вы увидели тут?

– Вот этот, брюнет, – он лежал справа относительно нашей кареты. Который с русыми волосами – слева. У обоих ранение в грудь – только у первого оно идет слева направо, а у второго – справа налево. Это значит, либо одному стреляли в спину, либо – если оба входных отверстия у ранений были в грудь – с разных сторон?

Доктор засиял от счастья и вдохновенно выдал: «Да, молодой человек! Вы правильно заметили – вы очень внимательны. Им не стреляли в спину, стреляли в грудь».

Таким образом, картина преступления должна выглядеть следующим образом: убитые следуют друг за другом с поля в сторону лесополосы. И тут первый убийца из этой самой узкой полоски леса, стреляет в ближайшего к нему. Второй убийца, вышедший, должно быть, со стороны дороги, стреляет во второго. Таким образом, первый убитый – это Алексей Званцев – получает от первого убийцы пулю слева направо, а Дмитрий Василевский – зеркально, справа налево – от второго.

– Из сего со всей очевидностью, господа, следует также и то, что в нашем деле не могло быть одного убийцы, – заключил доктор. – Вы сообщили, что все выстрелы были произведены в течение менее чем пятнадцати секунд – но посмотрите на схему. Может ли один человек с той позиции, где он стреляет в первого убитого, за это время переместиться на вторую точку, откуда убивает второго? Нет, это решительно невозможно – как невозможно и обратное.

Ответить сыщикам было нечего, они промолчали. Профессор задал второй вопрос, который должен был прояснить ситуацию с третьим выстрелом: «Когда на руке должны были появиться пороховые следы, чтобы они не успели исчезнуть?»

– Хороший вопрос... – задумался доктор.

Вопрос был хирургически точным: правильный ответ позволил бы получить тенору непробиваемое алиби. Если такие следы легко смывались грозовым ливнем, профессор был вне подозрений – его показания о времени убийства становились бы проверяемыми и подтверждались бы еще и заключением врача. Впрочем, сам тенор вряд ли об этом задумывался.

– Я бы сказал, что... – начал Иван Аронович и хотел обратиться к Каменеву по имени и отчеству, которых не знал. – Простите, как вас величать? Мне кажется, я все-таки вас где-то видел до сегодняшнего дня. И голос очень знакомый...

– Каменев Николай Константинович, ординарный профессор нашей консерватории, – хотел он отрекомендовать себя, но не успел закончить и половины фразы.

– Боже ж мой! – Это же вы пели с Женечкой Нравиной, когда в «Роберте» она была Изабеллой? – вскинул руки доктор и полный гордости отметил. – Вы знаете, она-таки моя дальняя родственница... Ой, какой вы тогда выдали до-диез в третьем акте! Слушайте, такого до-диеза я не слышал даже у Тамберлика!

Нельзя сказать, что Николай Константинович отличался скромностью хоть в какой-то степени. Напротив, славу и почести он любил, но всегда делал вид, что его они не прельщают. Только иногда как бы промежду делом он отмечал «У вас, коллега, сегодня успех невероятный – почти как у меня был в Театре Реал». Но чтобы его сравнивали по силе голоса с Тамберликом и даже ставили выше? – это явно перебор.

– Ну вы преувеличиваете, Иван Аронович... Я его слышал – мой до-диез по силе звучания даже рядом не стоял...

– Где же вы его могли слышать? Вы же совсем молодой человек! А он приезжал к нам в последний раз... Ой, когда же это было?

– С до-диезом – в шестьдесят третьем, – дал как всегда точную справку профессор. – Но вы правы – я тогда практически только родился. Зато двадцатилетним мальчишкой специально ездил в Испанию – слушать Гайарре, который, увы, недавно скончался. И вот, идя из Театра Реал, я случайно увидел афишу: прощальное турне дает сам легендарный Тамберлик. Знаете, когда он запел, я не понял, почему все им так восхищаются. Конечно, я тогда не понимал, что в шестьдесят два года петь – это не то же самое, что в тридцать: и середина качается, и нижний регистр подводит. Верха сохранились, но уже какие-то скрипучие.

– Он и в шестьдесят третьем был уже не тот, честно говоря, – грустно заметил доктор. – Вот в пятьдесят седьмом – я был совсем молодой – я его слышал... Жаль, что вы получили о нем такое представление. Поверьте – это был выдающийся певец!

– Я убежден, что это был великий певец – и был живым свидетелем. Представьте, дают последний номер – это была ария из «Вильгельма Телля», из четвертого акта – и тут он открывает все свои клапаны, и весь театр заполняется серебристым звуком: оглушающим и великолепным. Вот это было грудное до! Ни до, ни после я такого не слышал – даже у Преображенского. А в восемьдесят четвертом он снова приезжал к нам – с верхним «си». Успех был огромный...

Доктор вскинул руки к голове, планируя сказать что-то вроде «Ну не скромничайте – вы же не хуже моего знаете...», но Филимонов решился прервать этот спор музыканта с тонким ценителем: «Так что же по поводу пороха?»

Иван Аронович улыбнулся и развел руками так, как будто он пытался что-то продать с очень большой наценкой на Привозе – и очень убедительно говорил, что это непременно надо брать: «Ладно-ладно, вы не хотите про музыку – поговорим про трупы».

Заключение доктора было таким: буквально любой дождь, кроме самого мелкого, очень быстро смыл бы такие частицы пороха. К тому моменту, когда трупы были обнаружены, дождь уже прекратился: следовательно, алиби в очередной раз подтверждается со стопроцентной вероятностью, а время убийства установлено с точностью до минуты – показания становятся подтвержденными.

– Ясно, – протянул тенор, снимая очки. – Вы меня успокоили, доктор. Чрезвычайно вам признателен.

– Какой у вас третий вопрос? – напомнил Иван Аронович.

– Третий вопрос... А у меня был третий? Ах да! – конечно! Скажите, доктор – у кого из убитых на руке был порох? Кто из них, получается, стрелял?

– Как кто? – переспросил тот. – Я разве не говорил? Оба.

Глава 4

– Как это понимать? – еще не истерически смеясь, но улыбаясь как-то не очень весело, выдавил Уваров. – Что это значит, как это вообще возможно?

– Вы уверены, что это не дуэль? – переспросил доктор. – Очень ведь похоже, хотя капсульное оружие не дает нагара.

– Похоже-то похоже... Но откуда бы тогда взяться исчезнувшему третьему телу? Это же не дуэль миньонов...

– Подождите, все ли мы правильно поняли? Получается, кто-то должен был убить этих двоих и затем сделать непонятно за какой надобностью третий выстрел? – начал рассуждать вслух начальник Сыскного управления. – Нет, стоп – опять не сходится: порох на руках у них, значит стреляли они. Но если в них стреляли с разных сторон, тогда нужен еще и четвертый выстрел! Вы что-нибудь понимаете?

– Нет, Антон Карлович, не понимаю, – откровенно признался Уваров.

– Вот и я, Володь, не понимаю. А ты, Николай?

Тот подошел к покойным, еще раз посмотрел на раны. «Нет, господа – я тоже пока ничего не понимаю, – ответил он и, чуть помедлив, почти машинально произнес: пока ничего не понимаю». Очевидно, убийцей тут был совершен какой-то трюк в стиле Гудини: невозможно произвести тремя выстрелами четыре манипуляции – и получить два трупа. Но, тем не менее, они налицо.

– А четвертого выстрела не было? – спросил Филимонов.

– Нет, – ответил тенор. – Как минимум в течение следующей минуты не было.

– Тогда, может быть, первый убитый застрелил второго... Нет, не так: первый застрелил третьего – который исчез, второй – первого... Стоп, а кто тогда второго убил? – строил догадки надворный советник. – А, может быть, тело третьего потому и исчезло, что его ранили, но не убили? Тогда получается так: первый ранил третьего (теперь на руке есть нагар), второй убил первого (теперь и у него тоже) – а дальше раненый третий убивает второго и сбегает. Все логично! – торжествуя закончил он.

Первое же, что увидел Уваров после этого – лицо профессора, выразившее совершенное удивление быстрой работой мозга при переборе вариантов. «Знай наших, – подумал сыщик. – Не гении, конечно, но тоже соображаем».

Иван Аронович в свою очередь покачал головой и протянул надворному советнику начерченную схему.

– Это была бы интересная версия, Владимир Алексеевич. Но в ней есть, как вы можете видеть, неустранимый порок. Извольте видеть: ни в одного из убитых нельзя попасть под нужным углом, если расположиться на месте исчезнувшего тела – это во-первых. И, во-вторых, ни один из убитых не мог под нужным углом выстрелить в противника.

Кроме того, есть еще одно препятствие – нагар. Понимаете, в чем проблема: представим на секунду, что один из них, – доктор показал на труп, – застрелил другого. В результате он каким-то чудом получил на руке следы пороха. Но смертельная рана произведена из обычного современного оружия, которое не дает таких следов.

– Скажите, доктор, – пораженный неожиданным открытием, схватил руку убитого и выпалил Уваров. – А может быть так, что отдельно подожгли порох – и несгоревшие частицы нанесли на руки убитым?

Доктор колебался несколько секунд, но в итоге подтвердил, что такое возможно. Если бы существовали методы более глубокого анализа, можно было бы сказать, стреляли они сами или нет. Но таких методов в распоряжении Ивана Ароновича, увы, не было.

– А какое оружие может дать такой нагар?

– Не знаю, – ответил врач. – Какой-нибудь мушкет или аркебуза... Там, где порох загорается вблизи руки.

– Ну вы скажете, доктор... – буркнул Филимонов. – Это какой век? Пятнадцатый? Шестнадцатый? Ну не царь Горох же их застрелил!

– Послушайте сюда, молодой человек! – ответил врач. – Такое оружие до первой трети нашего века все-таки применялись. Тогда капсюлей еще не было.

– Какие-то раритетные, хотите сказать? Коллекционные?

– Возможно... А сейчас, как видите, стандартный патрон с металлической гильзой используется, – он достал из ящика маленький цилиндр и поставил на стол. – Вот такой вот пулей их, судя по всему, и застрелили.

– Из одного оружия стреляли или из нескольких?

– Не могу сказать уверенно. Калибр, судя по ранам, одинаковый – 7,62 мм. Учитывая расположение тел, я бы предположил, что выстрелы произвели из двух разных пистолетов одной марки.

– Именно пистолетов?

– Я сомневаюсь, чтобы кто-то стрелял в них из «берданки». По крайней мере, на расстоянии в десять метров в этом нет нужды.

– А что показал осмотр одежды? – спросил Филимонов.

Доктор пожал плечами: ничего не показал, его еще не проводили, ждали вас. Вчетвером они подошли к отдельному столу, на котором лежали одежда и вещи убитых.

Уваров кинул взгляд на два плаща, висевшие на гвозде, продырявленные фраки и жилетки, карманные часы, обувь, в которой только театры посещать и с сомнением буркнул себе под нос: у них точно следов алкоголя нет? Что они могли делать в лесу за городом в такой одежде? В такой одежде ходят во дворец или, на худой конец, в оперу.

– И, тем не менее, они были именно в этой одежде, – прозвенел высокий тенор.

– Да я помню, что их нашли как раз в этом, но... Черт возьми, как и зачем они явились в лес в такой...

– Володя, вернемся в участок – распорядись опросить извозчиков, – секунду подумав, сказал статский советник. Он, видимо, забыл, что это уже сделано. – Вряд ли они пешком пришли: утром гроза была, все дороги в грязи, а у них на ботинках – ни пятнышка. Вы их не отмывали?

– Как можно? – удивился доктор. – В каком виде привезли, в таком находятся.

Уваров немедленно начал выстраивать гипотезу: они побывали вдвоем на какой-то пирушке. Где-то под утро все разошлись – а наши герои взяли бутылку шампанского, нашли извозчика и поехали продолжать на природу. Приехали, только расположились – их укукошили. Извозчик быстро сбежал, чтобы не отправиться на тот свет за компанию, а грабители забрали все, что смогли.

– Похоже на правду? – развел он руками.

– Не очень, – задумчиво начал Филимонов. – Если они пировали, должны были и выпить. Следов алкоголя нет. Это во-первых. А во-вторых: ты говоришь, грабители забрали все, что смогли – а часы? Карманные часы, две штуки – это не мелочь, – увлекшись, он схватил Уварова за руку и потащил к столу. Тенор засеменил за ними. – Гляди, у Званцева – это «Павел Буре», извини меня. Несколько сотен стоят. А у Васильевского в кармане лежали несколько тысяч – «Брегет». Сомнительно, весьма сомнительно...

Владимир Алексеевич попытался спорить в том ключе, что дорогие часы – вещь штучная и запоминающаяся. Попробуй грабители ее продать, на них было бы очень просто выйти.

– Николай Константинович, представьте себе, что вас... ограбили, – спросил Уваров, а тенор невольно поморщился. – Вот украли у вас эти прекрасные часы – их быстро найдут?

– Моментально, – ответил он и вернулся к осмотру вещей. – Они с дарственной надписью... Да любая собака в городе вам скажет, что эти часы мне подарила Маргарита Савойская, жена короля Умберто. Это было... в сезоне 1890-го года в театре Костанци в Риме. У Станьо тогда открылась простуда и меня попросили его заменить в «Сельской чести» на один спектакль. Не особенно люблю я эту оперу, но...

– Ну вот – я же говорю! – торжествующе заметил надворный советник, пропустивший трогательную историю болезни мимо ушей, и продолжил что-то доказывать.

Каменев тем временем начал крутился около плащей. Из правого кармана плаща Васильевского он вытащил лайковые, безумно дорогие перчатки. У Званцева нашлась только баночка леденцов от кашля да по лайковой перчатке в каждом из карманов. Ничего больше.

Почесав затылок, он вернулся к сыщикам и услышал, как Филимонов продолжает опровергать гипотезу.

– ...и еще обрати внимание: брюки. На них есть частицы грязи. Такое ощущение, что убитые долго шли, а затем поменяли ботинки. Но это же ерунда какая-то... Ладно, обсудим наши гипотезы потом, – подвел промежуточный итог статский советник. – Поедьте на следственный эксперимент. Благодарю вас, доктор – вы очень помогли.

– Об чем речь. Правда, я вас больше запутал, – пожал плечами тот и повернулся к Каменеву. – Очень рад был познакомиться лично! Вы ведь знаете, наверное, поговорку, что у тенора в голове нет мозгов, потому что там вместо них резонаторы? Так вот – у вас там очень даже мозги!

– Доктор, что вы такое говорите? – улыбнулся тот. – Откуда бы у меня верхние ноты взялись, будь у меня мозги? В четверг у нас концерт, не желаете ли посетить – я бы приберег билет...

Медик рассыпался в благодарностях, и Каменева пришлось уводить не то за шиворот, не то под конвоем: разговор меломанов грозил затянуться до вечера. По дороге в участок тенору пришлось услышать от сыщика пару упреков, что полицейское расследование он сводит к воспоминаниям и музыкально-критическим лекциям. Филимонов слегка шикнул на него, и Владимир Алексеевич умолк.

Когда троица вернулась в участок, сыщики думали о деле, а тенор... кто его знает, о чем он думал. Может быть, что о странных выстрелах – а может быть, что о гастролях Таманьо – легендарного исполнителя Отелло из миланского «Ла Скала».

Дежурный встретил начальство запыхавшимся, довольным и с ящиком, полным револьверов. В нем лежали все модели, которые были на складе улик и которые фигурировали в делах с убийствами за последний год – от старинного «Кольта» на пять патронов до самого новенького, только что сошедшего с конвейера бельгийского «Нагана».

– Поедьте, Николай Константинович – будете слушать. Вспомните звуки выстрелов? Не забыли еще?

– Прекрасно помню, ваше высокоблагородие, – холодно ватно кивнул тенор, вспомнивший упрек в пролетке.

– Ой, высокоблагородие... Просто Владимир Алексеевич. Мир? – протянул он руку.

– Перемирие, – улыбнулся тенор и пожал ее. – А там и до мира дойдет. Что до выстрелов, такое трудно забыть. Да и память профессиональная – куда же я ее дену?

Карета довезла всех троих на опушку, где уже успела разместиться молодежная компания с плетеными корзинами закусок, покрывалами и гитарой. Звучал какой-то романс в исполнении молодого и статного баритона. «Хороший голос, – отметил Каменев. – Но уж больно кривляется. Кто так поет о любви? Такими гримасами змей заклинаят...»

Оставив профессора около кареты, сыщики зачем-то направились в сторону участников пикника – и через минуту возвратились вместе с миловидной юной барышней и баритоном.

– Милостивый государь, так романсы не поют, – не смог промолчать тенор. – Дайте гитару!

– Коля! – крикнул на него Филимонов.

Но было уже поздно. Не обнаружив у баритона гитары, Каменев махнул рукой и без сопровождения запел серенаду Эрнесто. На всю опушку разлетелось нежнейшее «Чудесна ночь – чар весенних полна» из «Дона Паскуале». Почти пасторальное звучание серенады сменилось тревожным припевом «Когда умрет твой милый – пожалеешь, но жизнь вернуть мне снова ты не сумеешь». Грянуло вставное «си» – и тут же затихло, магически став тихим, почти флейтовым звуком.

– Николай, ты закончил? Не помешаю? – снова вмешался сыщик. – Прошу извинить, дамы и господа, что нарушаю ваш концерт, но вы, профессор – свидетель, а вы, судари мои, понятия. Убедительная просьба некоторое время не шуметь: мы проводим следственный эксперимент. Как только мы закончим, я сообщу. И просьба не пугаться выстрелов – мы стреляем в рамках эксперимента, стреляют специалисты.

– Не беспокойтесь, с револьверами сами умеем обращаться, не боимся! – прозвенел голосок девушки. – Мне, например, подарили двуствольный дерринджер!

Она моментально вынула из ридикюля небольшой, поблескивающий хромированным стволом на солнце пистолетик с белой ручкой: вот, мол, полюбуйте, гражданин из полиции – мы тоже с оружием знакомы.

Впрочем, даже если бы у всей компании было по пистолету, там не было бы такой коллекции, какую привезла полицейская карета. В ящике лежало 36 моделей: швейцарский «Шмидт» 1882 года, по две модели «Смит и Вессон» и «Лефоше», «Уэбли», «Энфилд», древний «Кольт Патерсон», еще 15 моделей полковника Кольта и другие, несколько менее популярные системы.

Профессор встал на дороге примерно там же, где проезжал сегодня без четверти восемь. Уваров по очереди доставал один револьвер за другим и дважды стрелял из каждого с небольшим перерывом – примерно те же 6–7 секунд.

– А из чего стреляете? – бойкая курсистка подошла к ящику и один за другим начала перебирать пистолеты. – Вот этот похож на «Вебли-Скотт». А можно тоже пострелять?

– Мадемуазель! – грозно, хотя беззлобно рявкнул Филимонов.

– Что такое? – спросила барышня, покрутив очередной револьвер и положив его на место.

– Ничего, – вмешался Уваров. – Застрелитесь ненароком – а нам отвечать. К тому же оружие лежит в строго определенном порядке, прошу не нарушать...

Уложились быстро, в какие-нибудь десять минут: все оружие заранее подготовили к испытаниям – почистили, зарядили и пронумеровали. в описи – которую тоже сделали заранее.

– Последний стреляем, профессор! – крикнул сыщик и дважды нажал на спусковой крючок. – Готово! Можете спускаться к нам.

– Да что вы меня за чахлый цветок принимаете, – с ноткой обиды заметила барышня. – Вы про всех девушек думаете, что они только о погоде и пустяках на французском умеют говорить? А я вот умею стрелять...

– Мадемуазель! То, что у вас в сумочке есть пистолет, ничего не значит.

– Очень даже значит, меня брат научил. Сводишь целик и мушку...

– Думаете, так просто? – взорвался Уваров и показал на недалекую сосну. – До этого дерева метров семь. Не попадете.

– Посмотрим, – заявила курсистка и достала дерринджер.

Тенор решил сократить путь, пройдя сквозь лесную полоску. Пройдя от дороги уже метров пятнадцать и выйдя из-за дерева, он внезапно увидел небольшой хромированный пистолет, направленный в его сторону, а через мгновение прогремел выстрел. Каменев встал столбом и схватился за грудь, посмотрел на руку: крови на белой сорочке не было. Голова работала, глаза не остекленели, горло давало чистый звук. «Значит я не убит?» – подумал он.

Нужно было повернуться и бежать, но он не мог. Вдруг первый выстрел всего лишь случайно не стал для него последним? Он увидел, как черное дуло пистолета направлено на него – А каково это: смотреть в этот длинный черный тоннель? Не во время чистки, а так – когда напротив стоит человек и направляет тебе его в голову. Поневоле задумаешься: когда же все закончится? Лучше пальни уж, но не мучай: нельзя, невыносимо долго смотреть на ствол – но и отвернуться не получается. Какой-то магнетизм, право.

Значит надо бежать – бежать по синусоиде, чтобы тяжелее было прицелиться. У нее двуствольный дерринджер, осталась одна пуля, а дальше его надо перезаряжать. Это еще несколько секунд.

В мгновение проносится перед глазами вся жизнь – а дальше что? О чем думать дальше, пока мучительно долго тянутся доли секунды? Мозг и так работает быстро, а уж теперь-то, в чрезвычайной ситуации, он должен тарыхтеть как новенький «Даймлер». И он беззвучно тарыхтит, так что очень быстро задается вопросом «А можно ли было этого избежать? Ведь все же могло быть по-другому?»

Вот она, первая мысль – жестокая и глубоко трагичная, потому что в сослагательном наклонении. А мозг наш, если верить учению физиологов, не любит думать о плохом. Как знать – может на этом построен весь инстинкт самосохранения?

Так вот: серые клеточки, которые, может, разлетятся через секунду, придумывают план спасения. Всего-то надо чуть-чуть поменять вопрос: «можно ли этого избежать сейчас?» Жаль, что эта мысль приходит в тот момент, когда избежать гибели почти никому не удастся – о таких вещах надо думать значительно раньше.

И вот теперь, когда человек еще не готов перейти в лучший из миров, а мозг уже все просчитал, он дает последнюю мысль – гуманную и успокаивающую: «запомнят ли меня?» Раз уж нельзя удовлетворить инстинкт самосохранения, нужно хотя бы пожалеть гордость.

«Да, наверное запомнят – ведь я... Кому я вру? – тем более сейчас! Жить осталось... сколько? Секунду? Две? Вся память про меня – набор афиш да воспоминания. Что я для будущих поколений? Исполнитель, о котором никто ничего не знает. Рубини был прав: от художников остаются полотна, скульптуры живут в веках благодаря мрамору. А что остается от певца?»

Значит надо бежать или скрыться за деревом. Там двое сыщиков, целый склад оружия. Почему же они медлят? Почему не стреляют в ответ? Почему не скрутят ее? Даже навстречу не бегут! Пропал... Или повернуться? Нет, если уж помирать, то хотя бы смотря в лицо убийце. Да стреляй уже, черт возьми!»

И снова все помутнело перед глазами, в голове остался только черный ствол. На заднем фоне нестираемая память дорисовала фигуру в «рациональном костюме» по новой моде – специально для поездок на велосипеде – и с симпатичной шляпкой «Губерт» из майского «Вестника мод».

Длинный и тонкий палец на спусковом крючке почти судорожно дернулся; в ответ грохнул второй выстрел. В глазах у профессора потемнело, из горла вылетел фальцетный стон. Он уже не искал вида крови: глаза и руки перестали подчиняться ему. Он рухнул на землю – и только теперь двое сыщиков кинулись в его сторону. Бросилась к упавшему навзничь и вся компания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.